Е.Б. БАЧУРИНА
(Новосибирск)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Л.Н. ГУМИЛЁВА: СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Обобщены сведения о природе и разнообразии перифраз в современном русском языке. Рассмотрены три способа включения в контекст перифрастических сочетаний. Подчёркнута роль индивидуально-авторской метафоризации устойчивых выражений, связанных с другими научными областями (свободные атомы). Определены особенности синтагматики внутри метафорических перифраз. В ходе анализа выявлены особенности индивидуального стиля этнографа в использовании метафорических перифрастических сочетаний.

Ключевые слова: *метафорическая перифраза, эвристическая и объяснительная функции, три способа включения в контекст перифрастических сочетаний, индивидуально-авторская метафоризация, этнографический дискурс Л.Н. Гумилёва.*

Перифраза, перифраз (от греч. *periphrasis*), т. е. сочетание слов, «посредством которых вторично обозначается то, что имеет собственное наименование» [10, с. 89], «описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования» [12, с. 33], рассматривается как один из стилистических приёмов, наряду с другими тропами (Бельчиков, 1997; Голуб, 2002; Москвин, 2012), или как один из способов языковой интерпретации, наряду с синонимией и переводом с одного языка на другой [1, с. 502].

Фундаментальными работами по перифрастике явились исследования Т.И. Бытеевой (2002, 2008), в которых был обобщён опыт изучения перифрастических сочетаний за последние четыре десятилетия XX в. и предложено комплексное (семантическое, коммуникативное и лексикографическое) описание перифразы. Используя эти материалы, мы прежде всего исходим из признания неразрывной связи перифрастической номинации со *словом-номинантом*, т. е. с той единицей, которая перифразируется, что напрямую связано с внутренней формой термина «перифраза».

Сущность перифразы в коммуникативном аспекте соотносится с опорой на семный состав значения слова-номинанта и его актуальным смыслом, выраженным при помощи ядерной части перифразы, в результате перифраза предстаёт как номинация актуальной информации об объекте.

Например, в исторических источниках (это есть и в текстах Л.Н. Гумилёва) используется метафорическая перифраза *живой товар*, мысленно определяющая *слово-номинант рабы*. В значении перифразируемого слова актуализируются семы 'люди', 'для продажи'. При этом в опорном («ядерном», по В.П. Москвину) компоненте *товар* нейтрализуется денотативная часть лексического значения [5, с. 65]; происходит сужение (под влиянием слова-номинанта *рабы*) содержания «ключевого» компонента перифразы *живой,* метафоризируется ядерная часть перифразы (*товар*) − всё это обусловливает эмоционально-оценочную функцию перифразы. Таким образом, механизм эмоционально-оценочного потенциала перифразы можно объяснить, учитывая её соотношение со словом-номинантом (отражающим общепринятое наименование).

В данной статье мы анализируем особенности присутствия в языке этнографических работ Л.Н. Гумилёва метафорических перифраз. В связи с тем, что язык указанных произведений принадлежит научной сфере, обратим внимание на положение метафоры в научном дискурсе. «Отношение к употреблению метафоры в научной терминологии и теоретическом тексте, – пишет Н.Д. Арутюнова, – менялось в зависимости от многих факторов – от общего контекста научной и культурной жизни общества, от философских воззрений разных авторов, от оценки научной методологии, в частности, роли, отводимой в ней интуиции и аналогическому мышлению, от характера научной области, от взглядов на язык, его сущность и предназначение, наконец, от понимания природы самой метафоры» [2, с. 9].

На сегодня метафорическая модель признаётся ключевой в процессе научного описания потому, что представляет собой минимальную интегрирующую схему, объединяющую в своей семантической структуре как минимум два объекта и создающую на их основе новое (метафорическое) представление.

Этнограф использует и общеупотребительные метафорические перифразы, и, чаще, индивидуально-авторские. Например: *Не имея возможности перегнать* ***живой товар*** *через Сирийскую пустыню без больших потерь, пер-*

© Бачурина Е.Б., 2016

сидские воины охотно распродавали рабов и рабынь; *Вот почему* ***волшебные очки науки,*** *под которыми я подразумеваю прозрение гениальных ученых, нужны для того, чтобы, поняв окружающий нас мир и наше место в нем, научиться провидеть хотя бы ближайшие последствия своих поступков.* Первый контекст содержит общеупотребительную в исторических описаниях перифразу (*живой товар* [15, с. 685]), второй − индивидуально-авторскую (*волшебные очки науки*), содержание которой подробно объясняется автором. По наличию/отсутствию в тексте перифразируемого слова (*слова-номинанта*) перифразы делятся на *зависимые* (когда это слово или словосочетание есть (второй пример)) и *самостоятельные* (первый пример с перифразой *живой товар*), «которые требуют определённой сообразительности» [12, с. 37].

Исследуя «компаративы равенства» [4, с. 108–109], т. е. сравнения-уподобления, метафоры, структуры с союзом *как* в значении «в качестве», в языке работ Л.Н.Гумилёва, мы обратились к метафорической перифразе не только потому, что метафора − одна из составляющих этого функционально-семантического пространства, но и потому, что данные наблюдения позволяют видеть своеобразие дискурса этнографа, а именно: заметное проникновение в научное изложение элементов художественного языка. Л.Н. Гумилёв, сын известных поэтов А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилёва, был склонен (особенно в своих поздних текстах) к использованию индивидуально-авторских сравнений и метафор, литературных аллюзий; в его творческом наследии есть и поэтические произведения.

Наблюдая присутствие метафорических перифраз в языке монографий Л.Н. Гумилёва, мы выявили три способа введения перифрастических словосочетаний в текст. Первый способ введения соотносится с объяснительной функцией: «...сравнение и метафоры обеспечивают своеобразное **предпонимание** (выделено жирным шрифтом нами. − *Е.Б.*), то образное поле, в котором крепче укореняются семена чистой теории» [16, с.33].

Метафорические перифразы в языке этнографических монографий Л.Н.Гумилёва нередко участвуют в объяснении ведущих понятий (*этнос, этнический, этногенез, народ*) и, прежде всего, − *пассионарность*. По Л.Н. Гумилёву, пассионарность (от фр. *passioner* − увлекаться, разжигать страсть) – «это характерологическая доминанта; это непреоборимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта. Цель эта представляется пассионарной особи важнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников» [8, с.70].

Приведём примеры использования синонимических перифраз: ***Пассионарный толчок*** *вызвал этническую дивергенцию*. В индивидуально-авторской перифразе *пассионарный толчок* второй компонент является метафорическим; смысловые отношения между перифразой, акцентирующей интенсивность начинательного процесса, и введённым автором понятием *дивергенция* можно определить как причинно-следственные. Дивергенция (от лат. *divergentia* – расхождение) − 'распад этнической системной целостности с потерей ощущения комплиментарности на заданном уровне этнической иерархии' [7, с. 633].

Пассионарный импульс (как «непреоборимое внутреннее стремление к деятельности». − *Е.Б.*) *даёт* ***как бы высокий накал,*** *в котором химеры «плавятся»... и превращаются в этносы.* В индивидуально-авторской перифразе *пассионарный импульс* второй компонент метафорический (прямое значение − 'внутреннее побуждение, *толчок* к чему-либо, обусловленные деятельностью нервных возбудителей' [14, с, 1985.]). Сравните: логическая перифраза *нервный импульс* (физиол.). Семантика интенсивности проявляется и в «ядерном» слове (*импульс*), и в его определителе (*пассионарный*), а также подчёркивается в данном контексте и другой перифразой *высокий накал,* в которой метафорическим тоже является «ядерное» слово, денотативная часть лексического значения которого нейтрализуется (ср.: *накал лампочки*); актуализируется семантика гиперинтенсивности, обусловленная значением подразумеваемого номинанта *большая сила (= даёт большую силу).*

В дискурсе Л.Н.Гумилёва к синонимическим метафорическим перифразам «*пассионарный импульс / толчок*» присоединяется синоним *пусковые моменты*: *А на самом деле, как сейчас будет показано,* ***пусковые моменты этногенезов,*** *там, где можно их проследить на строгом фактическом материале, совпадают по времени и располагаются в регионах, вытянутых либо по меридианам, либо по параллелям, либо под углом к ним, но всегда как сплошная полоса.* Синонимическое варьирование одного и того же метафорического содержания не только участвует в объясне-

нии особенностей начала этнических процессов, но и создаёт экспрессивную образность этнографического текста.

Объяснительная функция, связанная с употреблением метафорической перифразы, включающей одно из ведущих этнографических понятий, проявляется в контекстуальных «партнёрах», которые помогают декодировать перифразируемую единицу, например: ***Новорожденный этнос*** (номинируется понятие *новый социум*), *как только заявляет о своем существовании, автоматически включается в мировой политический процесс; Культуру же* ***новорожденный этнос*** *наследовал не от одного предка, имя которого он принимал, а от всех этнических субстратов, интегрированных в новую этническую систему.* В поддержке связанного метафорического значения *новорождённый* участвуют ассоциаты: *предков, наследовал*; в поддержке «ядерного» компонента − корневые повторы: *этнос / этническая система.*

Метафорические перифрастические сочетания содержательно могут поясняться и сравнительным придаточным предложением, раскрывающим внутреннюю форму метафорического элемента перифразы, как например: *В этой фазе* (имеется в виду *пассионарный импульс / толчок*) *этнос вёл себя,* ***ка****к дитя* ***в утробе матери.*** «Научный стиль, − пишет В.К.Харченко, − не только не чужд образным вкраплениям, но сам поиск гипотезы подчас начинается с художественного сравнения, образа»[16, с. 29].

Объяснительной силой в понимании метафорической перифразы обладает лексический повтор. Приведём пример: *Когда китайцам удалось узнать, что в Средней Азии есть* ***небесные жеребцы*** *– породистые кони, похожие на* ***жеребцов*** *арабской породы, – они отправили туда экспедицию.* В перифразе *небесные жеребцы* второй, прямо информирующий, компонент поясняется в контексте семантическими повторами (*арабская порода*, *породистые, кони, жеребцы*). Первый (метафорический) компонент соотносится с содержательным «поиском»: полному пониманию данной перифразы мешает отсутствие общего компонента в составляющих этого образного выражения. Его эвристическая функция полностью не погашается в контексте и требует дополнительного комментария (см. далее).

Второй способ включения метафорической перифразы связан с деривационным «поиском» − словообразовательным и/или лексико-семантическим: сначала, например, в контексте используется глагол, а потом − образованное от него отглагольное существительное в качестве компонента индивидуально-авторского метафорического перифрастического сочетания. Это можно наблюдать в следующем текстовом фрагменте: *Ведь в пассионарном субэтносе, а именно таким образованием было боярство XVI в., каждый пассионарий – враг всем другим пассионариям, и, поскольку они ему мешают, он без зазрения совести* ***отталкивает их локтями.*** *Борису Федоровичу, хотя и не без труда, удалось справиться со всеми своими противниками, и когда боярин Богдан Бельский попытался захватить власть на Москве и даже занял со своими холопами Кремль, изображая из себя регента, то Годунов нанес ему такой* ***«толчок локтем»,*** *что Бельский оказался в ссылке на Нижней Волге.* Ассоциативно *толчок локтем* (вместе с глаголом *нанёс*) соотносится с частотными в дискурсе Л.Н.Гумилёва метафорическими перифразами (*пассионарный импульс / толчок / взрыв*) и соответствует общеупотребительному устойчивому выражению *нанести удар.*

Возможно, в данном контексте глагольное словосочетание *отталкивает их локтями* проявляет не только переносно-метафорическое значение, но и с помощью глагола *мешают* заметно эксплицирует и прямой смысл. Поэтому «рождение» метафорической перифразы *толчок локтем* на основании коренного повтора напоминает явление, которое Н.А. Кожевникова называет «соотношение тропа и реалии» [11]. Контекстное окружение метафорической перифразы *толчок локтем* (*нанёс, Бельский оказался в ссылке*) уже не способствует проявлению прямого значения лексемы '*толчок*'.

Третьим, проявляющимся в языке этнографических работ Л.Н. Гумилёва, является способ использования индивидуально-авторской метафоризации устойчивых терминологических словосочетаний, уже существующих в других научных областях (биологии, физике, химии). Маркируя обращение к «чужому слову», автор иногда использует кавычки. Например: *И тогда, не имея способов устанавливать искренние отношения с этносами, «химера» использовала* ***«свободные атомы»*** *– скандинавских варягов, захвативших Киев в 882 году; Но* ***«белые кровяные шарики»*** *– местные пассионарии – ликвидировали инфекцию, следом которой осталось только название князей-воинов – Рюриковичи.* Не раз в этнографических текстах Л.Н. Гумилёва встречается метафоризация биологического терми-

на *инкубационный период* – в значении '*постепенное зарождение какого-то социального явления, процесса*'. Например: *Не только каждый организм, но и каждый этнос, а тем более суперэтнос проходит* ***инкубационный период развития,*** *когда он незаметен не только для окружающих, но и для самого себя.*

Объяснительная и эвристическая функции метафорических перифраз в тексте Л.Н. Гумилёва обычно соединяются с эмоционально-экспрессивной, о чём свидетельствует следующий пример: *Византии предстоял расцвет культуры, славянству – расширение ареала, а Франкской империи, созданной Карлом Великим в 800 году, угрожала неотвратимая судьба – в недрах её, как в соседних Скандинавии и Астурии,* ***шёл инкубационный период нового пассионарного взрыва*** *в следующих IX–X веках,* ***разорвавшего железный обруч*** *Каролингской империи и зачавшего феодально-папистскую Европу, гордо назвавшую себя, и только себя, «христианским миром».*

С проявлением значимых для научного стиля объяснительной и эвристической функций соотносится и степень семантической связанности компонентов метафорических индивидуально-авторских перифраз. Одни из них организованы по типу фразеологических единств (*железный обруч* (*империи*), *толчок локтем*), т. е. образно-метафорическим переосмыслением прямого значения целого сочетания, или вторичной метафоризацией устойчивых терминологических словосочетаний (*белые кровяные шарики* – о пассионариях, *свободные атомы* – о скандинавах, проникающих на русские земли); другие структурированы по типу фразеологических сочетаний (*новорождённый этнос, реанимация Византии*), когда один (метафорический) компонент имеет лексически-связанное значение, а второй – свободное.

Интерес представляет метафорическое перифрастическое словосочетание, соединяющее атрибутивную метафорическую структуру с генетивной, «*генетический дрейф пассионарности»,* подчёркивающее «тихость» и даже временную остановку начального процесса пассионарности (однако этот «дрейф» порождает *«страшную силу фанатиков»:* ***Генетический дрейф пассионарности*** *породил популяцию мучеников и фанатиков, которая обеспечила престол Константину, сумевшему использовать эту страшную силу*).

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова даётся следующее толкование: «Дрейф. Угол между направлением движения корабля и его осью. *Лечь в дрейф* (о парусном судне) – остаться неподвижно на одном месте (с помощью соответственного расположения парусов)» [12, с. 124]. Метафора *дрейф,* обозначающая некоторую остановку в развитии пассионарности, соотносится с представлением о социально-психическом процессе через определение *генетический*. Лексемы *дрейф* и *генетический* относятся к далёким друг от друга содержательным сферам, в прямых значениях они не сочетаются. Определение *генетический* в данной перифразе вместе с формой родительного падежа (*пассионарности*) выполняют роль сигнальных компонентов её значения, способствующих успешному осуществлению перифразной функции – идентификации названного, и стимулируют перегруппировку сем в значении перифразы [3, с. 56].

В ходе подобной перегруппировки под влиянием метафоричного механизма, позволяющего соотнести далёкие по содержанию слова, могут актуализироваться потенциальные семы. Например: *Так направим* ***караван нашего внимания*** *из Сирии и Аравии в Вавилонию...* Здесь, *караван* – нечто длинное, повторяющееся в своём движении (в какой-то степени длительное, непрерывающееся внимание). Метафорический компонент в перифразе ***караван нашего внимания*** (возможно шутливый) искусно контекстуализован автором, т. к. соответствует восточной теме высказывания (*Сирия, Аравия, Вавилон, Иран*). Компоненты подобных перифрастических сочетаний далеки друг от друга по своему содержанию, что обусловливает нестандартность индивидуально-авторской перифразы и усиливает выразительность текста.

Итак, если процесс перефразирования связан с использованием синонимов, фразеологизмов, эвфемизмов, словообразовательных и синтаксических композитов, то понятие «перифраз (а)» как стилистический приём автономно, но при этом сохраняет некоторые связи с фразеологической единицей. Логические (общеязыковые) перифразы типа *наши меньшие братья* (о животных), не обладающие образно-экспрессивным значением, легко отделить от фразеологизма; метафорические перифразы, постепенно приобретая устойчивость, воспроизводимость, могут стать фразеологизмами (*чёрное золото* – о нефти). Индивидуально-авторские перифразы, не обладая признаком воспроизводимости, по степени семантической связанности компонентов похожи на фразеологические единства («толчок локтем») или на фразеологические сочетания (*реанимация Византии*).

Метафорические перифрастические номинации в языке монографий Л.Н. Гумилёва активно участвуют в объяснении этнографических понятий (*государство, народ, этнос, этногенез* и др.), их контекстуальное окружение (интенсивы, интенсификаторы) подчёркивают активную природу этнических процессов, в первую очередь, процесса, обозначенного автором как *пассионарность*. Однокоренные слова и другие семантические повторы помогают обнаруживать внутреннюю форму метафорических перифрастических номинаций, их компонентов. Поисковая (эвристическая) функция метафорических перифраз проявляется при использовании деривационных связей лексем внутри перифразы и за её пределами, а также при индивидуально-авторской метафоризации перифраз, принадлежащих другим научным областям (*свободные атомы, инкубационный период*). Когда этнограф метафоризует перифразу, которая уже известна в сфере другой науки (*белые кровяные шарики* − о пассионариях), нейтрализуется денотативное значение всего этого цельного выражения и актуализируются признаки предмета, названного словом-номинантом.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д., Ботяков В.В., Латышев Т.Э. и др. Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1979.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
3. Базарская Н.И., Попова З.Д. Семантические типы перифраз и их экспрессивные возможности // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. Уфа, 1988. С. 50–57.
4. Берков В.П. Семантика сравнения и типы её выражения // Теория функциональной грамматики: Количественность. Качественность / под ред. А.В. Бондарко и др. СПб.: Наука, 1996. С. 106–154.
5. Болотнова Н.С. Рецензия на книгу: Бытеева Т.И. Очерки по русской перифрастике // Вестник ТГПУ. 2002. № 2. С. 65–67.
6. Бытеева Т.И. Феномен перифразы в русском литературном языке: проблемы семантики и лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2002.
7. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, 2006.
8. Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Астрель, 2010.
9. Кожевникова Н.А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика. М., 1991. С. 37–63.
10. Кожин А.Н. Перифрастические построения в языке советской эпохи // Русский язык в школе. М., 1971. С. 89–94.
11. Москвин В.П. Русская метафора. Очерки семиотической теории. М.: ЛЕНАНД, 2006.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997.
13. Русский язык: энцикл. / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981 – 1984.
15. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008.
16. Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.

* * *

1. Apresjan Ju.D., Botjakov V.V., Latyshev T.Je. i dr. Anglo-russkij sinonimicheskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 1979.
2. Arutjunova N.D. Metafora i diskurs // Teorija metafory. M., 1990. S. 5–32.
3. Bazarskaja N.I., Popova Z.D. Semanticheskie tipy perifraz i ih jekspressivnye vozmozhnosti // Issledovanija po semantike. Semantika jazykovyh edinic raznyh urovnej. Ufa, 1988. S. 50–57.
4. Berkov V.P. Semantika sravnenija i tipy ejo vyrazhenija // Teorija funkcional'noj grammatiki: Kolichestvennost'. Kachestvennost' / pod red. A.V. Bondarko i dr. SPb.: Nauka, 1996. S. 106–154.
5. Bolotnova N.S. Recenzija na knigu: Byteeva T.I. Ocherki po russkoj perifrastike // Vestnik TGPU. 2002. № 2. S. 65–67.
6. Byteeva T.I. Fenomen perifrazy v russkom literaturnom jazyke: problemy semantiki i leksikografii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnojarsk, 2002.
7. Gumiljov L. N. Drevnjaja Rus' i Velikaja step'. M.: Astrel’, 2006.
8. Gumiljov L. N. Konec i vnov' nachalo. M.: Astrel’, 2010.
9. Kozhevnikova N.A. O sootnoshenii tropa i realii v hudozhestvennom tekste // Pojetika i stilistika. M., 1991. S. 37–63.
10. Kozhin A.N. Perifrasticheskie postroenija v jazyke sovetskoj jepohi // Russkij jazyk v shkole. M., 1971. S. 89–94.
11. Moskvin V.P. Russkaja metafora. Ocherki semioticheskoj teorii. M.: LENAND, 2006.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. 4-e izd. M.: Azbukovnik, 1997.
13. Russkij jazyk: jencikl. / pod red. Ju.N. Karaulova. M., 1997.
14. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Russkij jazyk, 1981 – 1984.
15. Fjodorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka. 3-e izd., ispr. M.: Astrel’: AST, 2008.
16. Harchenko V.K. Funkcii metafory. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1991.

Metaphoric periphrasis in the ethnographic discourse by L.N. Gumilev: semantic and functional features

The article deals with the origins and diversity of periphrasis in the modern Russian language. Three ways to be included in the context of periphrastic combinations are described. The author shows the role of the individual author's metaphorization of fixed expressions regarding other scientific fields (free atoms). The features of syntagmatic structure in metaphoric periphrasis are found out. The analysis shows the individual style of an ethnographer using metaphoric periphrastic combinations.

Key words: *metaphoric periphrasis, heuristic and explanatory functions, three ways to be included in the context of periphrastic combinations, individual author's metaphorization, ethnographic discourse by L.N. Gumilev.*

(Статья поступила в редакцию 15.06.2016)

Е.В. КАЛЛИСТРАТИДИС
(Ростов-на-Дону)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ «ЛЕНИНОПАД» В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Раскрывается специфика вербализации и концептуализации представлений русскоговорящих об актуальной социально-политической реальности на примере инновации «ленинопад» и дериватов, образованных по ее образцу. Определяется роль способа образования, а также словообразовательных и ассоциативных связей указанных единиц в формировании их внутренней формы. Анализируются особенности функционирования этих игровых трансформ в текстах сетевых СМИ и в речевых произведениях рядовых интернет-пользователей.

Ключевые слова: *политическая интернет-коммуникация, языковая игра, когнитивная метафора.*

Актуальные события социально-политической жизни стимулируют словопроизводство и словотворчество не только в текстах традиционных СМИ, но и в речевых произведениях рядовых носителей языка. В разнородных интернет-публикациях, манифестирующих неформальные коммуникативные практики, употребляется целый ряд лексических инноваций, семантически связанных с политической и социальной действительностью. С их помощью вербализируются представления интернет-пользователей о мире политики, выражается их отношение к актуальным событиям, обозначаются новые реалии и явления. Благодаря Интернету такие единицы, появляющиеся в рамках неофициального группового общения, проникают в общедоступные интернет-тексты, становясь фактами массовой коммуникации, а затем и в тексты традиционных СМИ, где они осмысляются журналистами как приметы времени, символы текущего периода, интересные уже тем, что они являются продуктом лингвокреативной деятельности обычных граждан. Лавинообразное словотворчество представляет собой естественную реакцию языкового сообщества на активные социально-политические изменения, т. к. «каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой “перестройке”, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы» [13, с. 24].

Интерес общественности к новой лексике опережает ее научное осмысление. Большинство статей, отражающих результаты лингвистического исследования инноваций, вошедших в употребление после так называемого Евромайдана и последовавших за ним событий, было опубликовано в 2015 г. после объявления результатов конкурса «Слово года – 2014» и их обсуждения в СМИ [2; 3; 10; 14 и др.] и позже [6; 8], лишь отдельные работы датируются 2014 г. [5]. Новообразование *Крымнаш*, ставшее, по мнению О.С. Иссерс, ключевым словом текущего момента [10], и другие претенденты на звание главного слова 2014 г. обращают на себя внимание лингвистов в первую очередь. В статье И.А. Быковой анализируются особенности деривации около тридцати инноваций, обозначенных автором как «неологизмы 2014 г.», при этом «акцентируется внимание на роли пропагандистской направленности текста в формировании оценочного значения новой лексики» [3, с. 10]. Е.Я. Шмелева на примере почти сорока производных слов рассматривает возможности «интернет-словотворчества», что позво-

© Каллистратидис Е.В., 2016